

490106

С. Ф. С. Р.
истории всех стран, соединяйтесь!

~~6 III~~
~~7411~~
ТАЙЗЕН

НАСТУПЛЕНИЕ

С ПРИМКНУТЫМИ
К ДРУГИМ
ВОЙСКАМ
Ф Л А Н Г А М И
И
ОБОРОНА
В
МАНЕВРЕННОЙ
В О Й Н Е

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
С О В Е Т

1922

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУКОВАЯ
БИБЛИОТЕКА

5015

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ.

МОСКВА

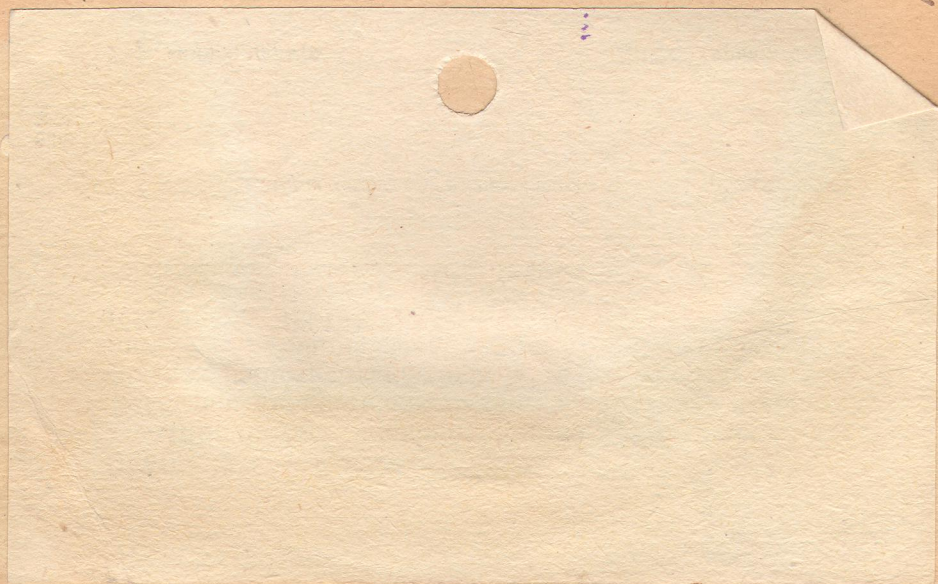
1922 г.

V.N. Karazin Kharkiv National University



01092864

2



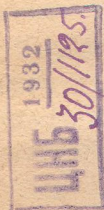
Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТАЙЗЕН

НАСТУПЛЕНИЕ

С ПРИМКНУТЫМИ
К ДРУГИМ
ВОЙСКАМ
Ф Л А Н Г А М И
И
ОБОРОНА
В
МАНЕВРЕННОЙ
В О Й Н Е

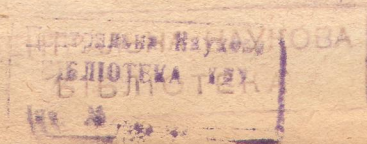
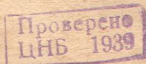


~~1942~~
~~А. С.~~

Перевод с немецкого под редакцией В. Белолипецкого

В Ы С Ш И Й
В О Е Н Н Ы Й
РЕДАКЦИОННЫЙ
С О В Е Т
1922

67



ПРЕДИСЛОВИЕ.

В своей статье «Наступление с примкнувшими к другим войскам флангами и оборона в маневренной войне» помещенной в германском журнале „Wissen und Wehr“ полковник фон Тайзен излагает сущность своего обширного боевого опыта по этим двум важнейшим вопросам тактики пехоты. Цель автора дать указания для обучения современной германской армии, сокращенной Версальским миром до 100.000 человек, с ограниченным числом артиллерии и других вспомогательных орудий. Эта цель удерживает автора на почве живой действительности и придает особый интерес его выводам и указаниям.

Многие положения автора, судя по некоторым другим германским источникам, не являются только его личным мнением, но широко распространены в германской литературе после мировой войны, и потому заслуживают внимания русского читателя.

Свои заключения фон-Тайзен освещает многочисленными примерами из своей разнообразной боевой деятельности на разных фронтах мировой войны.

А. Введение.

В течение мировой войны во многих областях тактики произошел полный переворот применявшихся до войны способов действий в бою.

Это было вызвано усовершенствованием и огромным ростом числа некоторых видов оружия (пулеметов, летательных аппаратов и артиллерии), особенно же созданием новых орудий боя (газ, туман, танки). Отличительным признаком этой перемены явилось, к сожалению, перенесение центра тяжести боя с человека на машину, на «материю».

Наше высшее командование, вполне учитывая быстро наступавший переворот, без колебаний и решительно отказалось от укоренившихся традиционных взглядов на основании новых данных опыта. Поэтому в течение войны мы пережили ряд изменений в тактике, давших различные результаты на практике, как положительные, так и отрицательные, в зависимости от особых условий боевых фронтов, воинских частей. Поэтому в области руководства боем существуют отчасти весьма различные взгляды.

По этой причине мне хочется на этих страницах в кратких чертах отметить существеннейшие отличия прежних боевых приемов от применяемых ныне в важнейших боевых действиях: наступлении, с опирающимися на другие части флангами, и обороне в маневренной войне.

Не лишено интереса то обстоятельство, что французская инструкция «о наступательном бое малых войсковых единиц», (*Sur le Combat offensif des petites unités*) 1919 года приводит лишь отдельные виды атак, которые могут развиваться из позиционного боя, а именно:

а) планомерная атака сильно укрепленных позиций, затем (повидимому после взятия таковых)

б) бои за несвязанные между собою системы позиций, внутренняя крепость которых пострадала, наконец (после преодоления последних),

в) бои в открытом поле.

Сообразно с этим она приходит к выводу, что в обоих последних случаях защитник должен быть уже в значительной мере поколеблен морально; так что в случае «б» пехота, даже без подготовки артиллерии, обладает достаточной силой для наступления; в случае «в» одними танками можно будто бы всего добиться даже против весьма сильного противника.

Тактика несколько рискованная, которая не находит себе подтверждения в нашем опыте.

Сообразно вышеприведенному подразделению французская инструкция с некоторою подробностью рассматривает лишь случай «а»-бой против системы укрепленных позиций; последующие бои в тылу позиции и в открытом поле, напротив, затрагиваются ею лишь мимоходом.

Но совершенно без рассмотрения оставляются (по крайней мере в этой инструкции) очень частые случаи, когда стратегическая обстановка полевой войны, а именно при медленном отступлении армии, создает положение, когда одна сторона становится нападающей, другая—обороняющейся,—бои, при которых вообще не приходится говорить о расстройстве обороняющегося.

Как это ни странно, но и в немецкой литературе, появившейся после войны, мало уделяется внимания тому роду боев, который не заключается в прорыве или обороне укрепленных позиций. Очень возможно, что это происходит оттого, что из весьма разнообразных боевых действий в поле гораздо труднее вывести вполне установившееся и общераспространенное учение и принципы относительно форм боя и взаимодействия разных родов оружия, чем из боев за укрепленные полосы.

Поэтому-то, именно, из этого рода боев выведены нами некоторые взгляды, которые надлежало бы положить в основание при объединении обучения в полку до тех пор, пока компетентным органом не будут установлены единые принципы для всей германской армии, изложенные в инструкции, вновь выработанной на основании опыта войны.

Но при использовании последнего мы никогда не должны упускать из вида двух основных положений:

1. В последний год войны действующие войска не могли обладать во всей своей совокупности теми качествами и той выучкой, как в начале войны. Мы вправе даже утверждать, при всем нашем глубоком уважении к многочисленным подвигам, совершенным в боях в этом году, что если бы в нашем распоряжении для наступления 1918 года были дивные войска 1914 года, то мы нанесли бы решительное поражение врагу, несмотря на его превосходство в машинах.

Поэтому не весь опыт 1918 года безотговорочно может служить основой для окончательных выводов.

Прежде всего никогда не следует упускать из вида, что решающим элементом на войне есть и всегда будет «человек», и что все машины недействительны и мертвы, если они не направляются человеческой энергией.

Если мы никогда не будем упускать из вида эту, почерпнутую из опыта войны, точку зрения, и будем ее каждодневно подчеркивать, то мы можем спокойно обучать наши войска самой современной технике сложной «машинной» войны.

II. Самый важный урок, вынесенный каждым офицером из войны, заключается в том, что тот уже на половину победил, кто применил нечто, никогда не бывавшее или явившееся для противника полной неожиданностью.

Слова Наполеона, что свою тактику надо менять каждые десять лет, как никогда, оправдываются в наши дни.

Все на войне непостоянно; постоянна одна лишь перемена. Поэтому надо остерегаться, как при наступлении, так и при обороне, опираться всецело на одну определенную схему, и надо быть готовым к тому, что противник в известный момент выступит против нас с совершенно неожиданными методами и орудиями борьбы.

Войска, воспитанные в духе 1914 года, справятся и с ними. Надо помнить также, что «мирный договор» оставил нам мало артиллерии, поэтому нам надлежит направить свои мысли на замену ее иными орудиями боя, иными методами.

Само собой разумеется, что наступление есть наиболее могучая форма боя. Если в дальнейшем изложении мы начнем с обороны, то делаем это лишь потому, что легче из последней выяснить те существенные принципы, на основе которых надлежит вести наступление, чем наоборот.

В дальнейшем изложении мы будем разбирать лишь формы обороны, ввиду поставленной нами себе задачи. Оперативных же положений, из которых может возникнуть необходимость обороны в маневренной войне и которые часто решающим образом влияют на форму обороны, мы коснемся лишь мимоходом.

Многое из сказанного здесь, вероятно, хорошо известно старым бойцам; не все пройдет без возражений. Если бы этого не было, было бы жаль; лишь из столкновения мнений, выведенных из боевого опыта, постепенно кристаллизуется истина.

В. Оборона в маневренной войне.

1. Виды обороны.

В обороне принципы маневренной войны и войны позиционной соприкасаются.

Из первоначально намеченного оборонительного фронта возникают отдельные участки окопов и позиции, из прикрытого полотно палатки стрелкового окопа образуются непроницаемые для снарядов лисьи норы и блиндажи, и наоборот, крепкие позиции превращаются в поле, покрытое воронками. Не всегда можно определить, в какой именно момент маневренная война перешла в войну позиционную. Последующее положение касается методов борьбы, характеризующих еще не окостеневший полевой бой.

По общераспространенной в тактике классификации мы различаем в маневренной войне:

1. Упорную оборону, ищущую решения.
2. Оборону временную.

Первая при длительной войне черезчур легко застывает в войну позиционную: последняя часто заканчивается отступлением, сопряженным с огромными потерями, столь свежими в нашей памяти.

Одним из самых характерных принципов, порожденных долголетней позиционной войной на западном фронте и, к сожалению, как бы само собой перешедших на оборону вообще, является мнение, что сосредоточенный огонь сильных артиллерийских масс может разбить любую позицию и уничтожить

ее гарнизон и что поэтому следует уклоняться от этого огня и переносить борьбу за позицию вглубь ее.

Такое «уклонение с боем», требующее от войск значительной моральной высоты, должно было, при постепенном понижении боеспособности их, привести к тому, что «уклонение» согласно приказу выполнялось, а «бой» постепенно забывался.

Само собой разумеется, что к такой системе уклонения наше высшее командование было вынуждено настоятельной необходимостью щадить живую силу народа. В то же время, как в конце первых двух лет войны французам пришла на помощь армия Китченера, а после следующих двух—американцы, наши силы постепенно убывали.

Таким образом, то там, то здесь можно было слышать: «Прекрасно умереть за отечество, но еще лучше сохранить себя для отечества», что неизбежно действовало разлагающим образом на войска не первой свежести и ускорило окончание войны.

Вопросы о том, какое положение займут наши будущие боевые инструкции по отношению к широкому и массовому техническому наступлению при позиционной войне, остается открытым.

Я полагаю, что в будущем нельзя будет совершенно избегать частичных случаев уклонения в сторону перед ударом; но последнее имеет огромное преимущество перед уклонением вперед или, тем более, назад, хотя бы из-за направления собственного артиллерийского огня. Да к тому же, при современных условиях боя, на поле сражения почти всегда достаточно места, так что, лишь в редких случаях, уклонение в сторону может вызвать чрезмерное скопление людей.

Сейчас еще трудно сказать в какой мере образовавшиеся благодаря этому незанятые промежутки могут в случае надобности вновь быть заполнены подвижным резервом танков. В войне маневренной во всех случаях лозунгом для войск обороняющихся должно служить «оборона означает удержание позиции на данном месте и в данном виде».

Впрочем, и новая французская «инструкция» гласит: «Оборона известной местности всегда означает решимость удержать соответственный участок местности и сломить наступление противника, т.-е. разбить его».

Бои, во время которых, несмотря на тяжкие потери неприятеля, последнему постепенно уступается местность, не есть

оборона, а отступление. Все же наше оборонительное положение не будет уже иметь тот вид, какой оно имело прежде.

До тех пор, пока нападающая сторона еще не успела подтянуть свою тяжелую артиллерию и достаточный запас снарядов, нельзя рассчитывать на планомерное «сравнение с землей» длинного фронта. Однако и более легкие калибры артиллерии, например, при великом наступлении 1914 года, часто расчищали дорогу для пехоты на сравнительно небольшом участке прорыва далеко в глубину фронта обороняющейся стороны. Если нам поэтому в маневренной войне при отсутствии у наступающей стороны более тяжелых калибров, уже не придется, во-первых, так глубоко зарываться в землю, как в войне позиционной, что мы, впрочем, и не могли бы сделать, и во вторых, так широко распространяться в глубину, как мы то некогда делали; то, с другой стороны, нам плохо бы пришлось, если бы при современном развитии авиации мы вздумали вновь возвратиться к строго прямолинейным фронтам довоенного периода. Противник скоро бы разглядел подобную отчетливую линию и, разгромив ее в каком либо месте сосредоточенным артиллерийским огнем, прорвал бы ее в этом месте с помощью танков и газа и легко распространился бы вправо и влево. Поэтому ныне и в маневренной войне необходимо до известной степени замаскированное и глубокое расположение обороняющегося.

Но одна основная точка зрения должна преобладать при обороне. Нужно, чтобы глубина расположения давала возможность принять участие в огневом бою впереди фронта (переднего края) позиции не только артиллерии, в лице своих наиболее выдвинутых вперед батарей, стоящих, может быть, в 800—1000 метрах от передовой линии, артиллерии, столь значительно урезанной нам Антантою, но и более сильным частям пехоты, пулеметам и минометам, расположенным внутри позиции. Мы должны употребить все усилия на то, чтобы сломить наступление еще перед позицией. Ибо уклонения, подобного тому, какое имело место в 1918 году, уже больше не должно быть. Мы вновь должны вести бой, сосредоточив весь огонь впереди главной линии обороны позиции, а не внутри ее.

Дальнейшие строки докажут, что принцип сосредоточения огня впереди главной линии позиций вполне совместим с устройством обороны в глубину.

II. Бой впереди позиции.

Общие замечания.

Самое отражение атаки в маневренной войне при не-обозримости пространства, на котором она происходит, пожалуй не протекает с такой точностью и автоматизмом, как при войне позиционной; следовательно необходимо сделать нечто большее для того, чтобы, по возможности, не допустить до фактического отражения штурма, т.-е. надо стремиться к тому, чтобы даже не допустить неприятеля до расстояния, с которого начинается самая атака.

Правда, во время войны нам не раз приходилось наблюдать, как противник подпускал нас на расстояние штыкового удара и тогда пытался нас уничтожить всей силой своего огня. Такого рода прием, производивший с первого раза сильное впечатление, представляет, однако, одну невыгодную сторону. Когда штурмующая пехота подпущена на это расстояние, то, хотя артиллерия ее может обстреливать передовую линию обороны, в течение лишь короткого времени из опасения нанести потери собственной пехоте, но за то и минометы и пулеметы атакующего подходят также близко и могут поражать противника с надлежащей дистанции. Этот способ обороны представляет известные шансы на успех лишь в тех случаях, когда нападающая сторона, как например, русские на Стоходе, грубо атакует по устарелому методу растянутыми стрелковыми цепями и густыми массами; искусно наступающий противник не представит удобной цели, которая могла бы быть уничтожена в короткий срок массовым огнем.

Таким образом мы подошли к вопросу о том, каким способом можно вести борьбу с наступающим противником на более значительном расстоянии, следовательно, в предпозиционном пространстве.

Для этого мы имеем четыре способа:

1. бой на передовых позициях;
2. бой впереди позиции (передовое поле);
3. огонь с дальних расстояний,
4. контр-атаки из позиции.

1. Передовые позиции.

Разумеется, само по себе представляется весьма заманчивым, как то делали французы в начале войны,—нанести противнику потери умело расположенными перед фронтом отрядами и подорвать его наступательную энергию искусно веденными стычками, не сопряженными с особенными потерями для собственных войск обороны.

Однако основная идея всякой обороны—упорное сопротивление до конца—может роковым образом пострадать от подобной тактики. Мы видели и в позиционной войне 1914—1918 годов, что многие опытные бойцы проклинали всякую тактику уклонения и это произошло по следующим причинам.

Наша старая тактика мирного времени, с которой мы вступили в войну, исповедывала тот принцип, что при обороне следует держаться безусловно одной линии, и в общем отвергала передовые позиции, как полумеру. Однако, могучее действие артиллерии уже в 1915 году сметало многие сплошные оборонительные позиции; даже расчленение передовых позиций на ряд совершенно отдельных участков воинских частей, что наблюдалось в начале фландрского сражения, не устранило этого положения. Вследствие этого высшее командование решилось на изменение нашей оборонительной тактики и ввело «передовое поле» (сперва глубиной в несколько сот метров), для того, чтобы распределить действие неприятельской артиллерии на большее пространство и тем самым ее распылить, и чтобы вместе с тем дать возможность нашей артиллерии в решительную минуту успешно поражать наступающую пехоту. Отрядам, занимавшим передовое поле, было разрешено в известной мере уклоняться от решительного боя.

Однако это принесло значительный вред тем, что войска постепенно приучались не выдерживать до крайнего предела и уклонялись от боя даже тогда, когда это вовсе не было необходимо.

Когда впоследствии решились вместо такого малого передового поля создать глубокую «передовую зону», внесена была новая путаница, благодаря часто противоречивым указаниям, как относительно численного состава и образа действий войск, назначенных для занятия передового поля, так и о местонахо-

ждении основной линии обороны, которая должна быть удержана во что бы то ни стало, а при случае взята обратно контр-атакой. (Вопросы, задаваемые нисшими инстанциями, где именно должно безусловно удержаться и пр.). В большинстве случаев из этого выходило что-то половинчатое. Войска, предназначенные для занятия передового поля в большинстве случаев были слишком слабы для боя и слишком сильны для своевременного выхода из него. Там, где были энергичные войска, они держались часто дольше, чем было приказано, и отряд в конце концов попадал в плен. Но, конечно, бывали случаи, когда бой на передовом поле приносил пользу.

Когда, например, 2-го декабря 1917 года, в лунную ночь, англичане повели наступление под Пашенделем на широком фронте, отряд, занимавший передовое поле перед участком 94-го пехотного полка (силою в несколько рот, согласно распоряжения высшего командования), вопреки приказу, удержался на половине фронта, и даже, когда англичане прорвались в нескольких местах, повернул отчасти фронт, обстрелял их с тылу и, таким образом, способствовал тому, что повторные атаки сильного противника на полковой участок разбились окончательно и с большими для него потерями.

Но, как выше было сказано, это были исключения; по большей части сильные отряды, занимавшие передовое поле, вследствие неясности данных им распоряжений или погибали, или, когда они отступали, способствовали усилению все более и более размножавшейся «бациллы уклонения», которая успела внедриться в войсках, благодаря «упругой тактике уклонения».

Это нанесло неисчислимый вред энергии обороны. С этим надо покончить в корне; немецкий солдат должен вновь научиться стоять непоколебимо.

Итак, долой понятие «передовое поле!».

В среде немецких фронтовых офицеров, господствует подобное же отвращение к «передовому полю», какое в общем питали в довоенное время «к передовым позициям». С этих позиций обороняющаяся сторона возвращалась в большинстве случаев сильно расстроенной физически и морально ко вреду всего дела.

В самом деле, «передовое поле» вносит путаницу в понятия наших просто и прямо мыслящих людей.

2. Работа разведки и завесы *).

С другой стороны, на «передовом поле», в противоположность с прежней боевой деятельностью, должна царить оживленная работа разведки и завесы; крайне желательно, как можно дольше задержать впереди позиции своих наблюдателей, артиллерийских и иных.

Ведь подобные мероприятия по маскировке, наблюдению и разведке были уже более или менее известны и в мирное время из сторожевой службы. Только приходится признать, что вся наша сторожевая служба мирного времени была чрезвычайно схематична и неподвижна. Это сразу бросилось в глаза, когда ее ввели вновь к концу войны, взамен частей «передового поля».

После нашего наступления в Шампани в 1918 году, французы стали готовить свой переход в наступление. Их стремление установить наш численный состав при помощи пленных облегчалось налетами на наши неподвижные сторожевые посты, расположение которых выяснялось в течение дня. Поэтому 35 фюзилерный полк решился,—и я считаю это знаменательным при продолжительной стоянке друг против друга,—перейти днем к установке постоянных наблюдательных постов, а ночью к подвижным сильным разведывательным партиям и дозорной службе.

При темноте и тумане к этому естественно присоединяются и посты для подслушивания; последние, пожалуй, полезны и для промежуточных пространств, между более значительными гнездами позиций.

Дозорам (порой снабженным легкими пулеметами) должна быть представлена широкая возможность производить налеты. Солдат, которому удалось подстрелить неприятельский разезд, который неоднократно участвовал в такой своеобразной партизанской войне, должен возвращаться после выполненной задачи сияющим и довольным, как это было и с нами при нашем отходе на позицию Зигфрида в 1917 году.

Здесь не должно быть предела отваге и честолюбию отдельного солдата. Выдвинутые вперед прикрывающие (маскирующие) дозоры на возвышенности, порою снабженные даль-

*) В смысле сокрытия избранной позиции.

бойными, тяжелыми пулеметами, вместе с наскоро набросанной видимостью окопа, если на то имеется время, могут служить для введения в заблуждение противника, который может предположить, что он имеет дело с занятой позицией. Они играют с неприятелем и затем возвращаются с уверенностью в победе на оборонительную линию, о которой нам еще придется говорить особо.

Таким образом организованная система разведки и завесы может принести пользу; но стоит лишь сделать ее неподвижной, или даже соединить ее с самой обороной позиции (к чему в мирное время, когда часто стреляют холостыми патронами, наблюдается склонность, проявляющаяся в стремлении достигнуть чего-то особенного в тактическом отношении); так нам в серьезный момент придется дорого за это поплатиться.

Само собой разумеется, что особые условия, как например, оборона реки, аррьергардные бои при отступлении и т. п., могут потребовать особых мероприятий (временное выдвижение отрядов из трех родов войск, артиллерии). Но как общее правило должно оставаться в силе следующее начало: впереди позиции одно лишь прикрытие (завеса), ибо самое важное есть и будет то, чтобы немецкий солдат вновь научился быть стойким и тот, кого не удерживает чувство чести, подлежал полемому суду.

Чтобы свести к краткому положению отношение прикрывающих сил в противоположность силам, защищающим позицию, я бы сказал: «На передовом поле солдат должен быть хитер и ловок, как индеец, в удержании позиции—стойкий и непоколебим, как лев».

3. Огонь с дальних расстояний.

Вместо вредного боя впереди позиции и упругого уклонения можно применять более действительное и верное средство для того, чтобы, не выходя сразу из самой позиции, бороться с наступающим противником, прежде чем он успеет приблизиться на расстояние штыковой атаки.

Это средство заключается в огне с дальних расстояний нашей дальнобойной артиллерии и тяжелых пулеметов.

При этом возникает прежде всего вопрос, насколько, открывая такой огонь, приходится считаться с находящимся в передовом поле частями, несущими службу разведки и завесы. Когда выработан был прием упругого боя впереди позиции (на передовом поле), то существовало сильное тяготение перенести заградительный огонь за передовое поле, дабы не наносить потерь войсковым частям, на нем находящимся, при их отступлении. Последствием этого, естественно было, помимо других существенных недостатков, то, что хотя передовые отряды не страдали от собственного заградительного огня, но за то передовые части наступающего противника уже давно успевали проскользнуть вперед, прежде чем огонь мог на них подействовать. Наконец, принято было решение перенести заградительный и уничтожающий огонь непосредственно перед линию обороны, не забываясь о частях, находящихся в предпозиционном пространстве, и достойно внимания то, что эти части в большинстве случаев отделялись сравнительно благополучно.

В будущем иначе и не придется поступать, и это можно делать без вреда, если разведывательные и прикрывающие части будут по возможности малочисленны.

Точно также не может считаться с такими незначительными прикрывающими отрядами и артиллерийский огонь, который обороняющаяся сторона открывает с дальних расстояний по внезапно появляющимся частям наступающего противника, дабы с самого начала расстроить их наступление; то же надо сказать и об огне с дальних расстояний тяжелых пулеметов.

Значительное повышение действительности огня тяжелых пулеметов дает нам возможность наносить существенный урон наступающему противнику на предельных расстояниях прямым или перекидным огнем. Известные определенные дороги, теснины, окраины деревень и проч., по которым ожидается прохождение неприятеля, должны находиться под огнем.

Да и самая атака будет подвергаться обстрелу пулеметов обороняющегося подобно тому, как и наши атаки в 1918 году. Всегда будут встречаться случаи, когда наступающий неприятель, как бы искусно он ни использовал условия местности, будет представлять для обороняющейся стороны хорошую цель. Конечно, мы исходим все время из того предположения, что собственные боевые средства обороняющегося будут тща-

тельно замаскированы и трудно находимы для неприятеля, но об этом речь еще впереди.

Вот несколько примеров действия пулеметного огня:

Атака французов, подготовленная сильным артиллерийским огнем и проведенная большими массами, при поддержке танков, истекла кровью перед позицией 4-й гвардейской дивизии, состоявшей лишь из наскоро набросанных окопов и пулеметных гнезд, под Сен-Кантенем 24—26 октября 1918 года. При этом численность наших рот часто не достигала 40 человек.

По той же самой причине много труда и потерь понесли немецкие войска во время атаки на Вилье—Бреттоне 24-го апреля 1918 года; разбросанные на необозримом пространстве хорошо укрепленные гнезда пулеметов противника удалось преодолеть лишь шаг за шагом, при помощи прямого огня поставленного за ночь в передовых позициях отделения полевой артиллерии.

981065
Точно также победоносное наступление 228 пехотной дивизии 4 апреля 1918 года на Вилье—Бреттоне было остановлено фланговым огнем с дальней дистанции расположенных на высоте 104 английских пулеметов. Пулеметные гнезда, несмотря на произведенное накануне англичанами отступление были так искусно размещены, что поддерживавшей нашу атаку артиллерии лишь очень нескоро удалось вывести из строя эти пулеметы.

Но наряду с тяжелыми пулеметами в будущем, при обороне, пехотному ружью придется играть существенную роль. До тех пор, пока мы не будем обладать более совершенным дальнобойным легким пулеметом, мы не будем иметь возможности предоставить огневой бой с некоторым шансом на успех исключительно этим последним и сохранять отделения стрелков передовых рот исключительно для контр-атаки. Найдутся известные цели, которые не попадут под немедленный обстрел немногочисленных тяжелых пулеметов при множестве поставленных им задач; в этом случае искусно размещенные пехотные стрелки могут служить существенным дополнением. Но так как мы теперь более, чем когда либо, должны прилагать все усилия к тому, чтобы разбить противника перед нашими позициями, то мы естественно должны выдвигать вперед и большие силы.

4. Контр-атаки, производимые из позиции.

Дальнейшее весьма действительное средство для того, чтобы вести бой впереди позиции, составляют и будут составлять наступления, предпринимаемые впереди позиции. из нее. В нашу задачу не входит исчерпывать на этих немногочисленных страницах, всевозможные практические случаи, но одно представляется несомненным, что при каждом наступлении бывают моменты ослабления, которые решительный обороняющийся может использовать; например, когда неприятельская пехота, лишенная поддержки своих дальнобойных орудий, подступила слишком близко к позициям противника или когда неприятель предпринимает перегруппировку своих сил и т. п.

В каждом отдельном случае, однако, надо тщательно взвешивать шансы на успех и полезность подобных атак.

Во всяком случае об них не следует забывать.

III. Отражение атаки.

1. Фронт отражения атаки.

Если огнем с дальних расстояний артиллерийским и пулеметным, а также контр-атаками нам не удалось окончательно отбить врага, то этого во всяком случае надо добиться привильно организованным отражением атаки, это составляет главную задачу всякой обороны.

Решающее значение имело и имеет отыскание средств остановить неприятеля еще перед позицией и здесь разбить его, раз уже он дошел до расстояния штыкового удара.

Во время мировой войны часто случалось, что противник после артиллерийской подготовки или без нее, производил внезапное нападение, благополучно избегал неподвижного и во многих случаях запоздалого заградительного огня артиллерии, к сожалению, часто отказывавших мелких пулеметов и минометов, врывался на позицию и, в конце концов, после боя во внутренней зоне, овладевал позицией.

Предпринимавшаяся в таком случае попытка открыть по месту прорыва, вместо заградительного уничтожающий огонь

артиллерии, к тому же стрелявшей издалека и не прямой наводкой, обычно терпела неудачу вследствие трудности, представляемой передачей в тыл наблюдений за действием огня.

Все это оказалось недействительным, неверным. Для отражения атаки нужно нечто большее. Посмотрим в чем же оно заключается.

Для отражения атаки мы имеем:

1. легкие пулеметы и части пехоты, занимающие передовую линию;
2. сравнительно недавно вошедшие в употребление бронебойные мины, бомбометы и ручные гранаты;
3. тяжелые пулеметы боевых участков и резервных частей;
4. минометы;
5. противотанковые и позиционные орудия;
6. полевую артиллерию.

Этими шестью видами орудий защитники должны и могут быть в состоянии разбить в маневренной войне атаку наступающего противника, если средства поражения врага правильно размещены, т.-е. если позиция выбрана правильно.

Что же для этого нужно?

Прежде всего резко определенно намеченная передовая линия (грань). Впереди резко определенной черты, фронта отражения атаки, последняя непременно должна рухнуть; от этой черты обороняющийся не должен отступать ни на шаг, ибо перед ней ложатся снаряды сосредоточенного уничтожающего огня расположенных в глубине орудий обороны.

При решающем значении огня артиллерии, наблюдательные пункты для нее должны быть размещены так, чтобы все пространство перед позицией покрывалось артиллерийским огнем, (если только у нас для этого еще хватает артиллерии). Удобство ведения артиллерийского огня должно служить руководящим указанием для выбора передовых линий обороны.

Говоря о передовой линии я, разумеется, не понимаю под этим математическую прямую черту, но передовую линию, тщательно приноровленную к местности, кривую или ломаную, но (повторяю) строго определенную. При краткости времени, коим мы часто располагаем в маневренной войне, решающее значение имеет скорая организация именно этого фронта уничтожающего огня, хотя бы для артиллерийского огня.

На этой, строго определенной, передовой линии распределяются группы стрелков и легкие пулеметы, не нанизанные, как бусы, но сосредоточенные группами, согласно указаниям боевого опыта, под руководством своих начальников в небольших опорных пунктах, гнездах.

Само собой разумеется, можно себе представить и такие случаи, где обороняющийся разбрасывается на широком фронте отдельными стрелками, для введения в заблуждение противника и проч. Но это будет исключением, ибо опыт показал, что такие одиночные стрелки не выдерживают даже на маневрах мирного времени натиска энергично наступающего противника, уклоняются от него назад. В то время, как изолированные, но боеспособные гнезда, под руководством решительных командиров, оказывают во все стороны значительную силу сопротивления.

Форму таким замкнутым гнездам лучше всего придавать овальную или полукруглую, между ними, местами ставит также отдельные пулеметы без придачи стрелков, в узких головных окопах. Без этого, ввиду ограниченности наших сил, образующиеся по необходимости промежутки могли бы составить для нас угрозу при прорыве неприятеля. Такое групповое размещение, состоящее из отдельных окопов, давало бы возможность и размещенным позади стрелкам стрелять в промежутки между передними. Полезно также иногда помещать запасную прислугу пулеметов позади, в прикрытиях; во всяком случае таковую не следует скучивать около самого пулемета. Эти люди или стреляют через промежутки или лежат около пулемета и принимают участие в огне. Именно частый отказ легких пулеметов может служить сам по себе достаточным основанием для размещения большего числа стрелковых групп в передовой линии.

Величина гнезд зависит от местности. Будет совершенно ошибочным остановиться на системе отдельных небольших гнезд, гарнизон которых иногда оказывается изолированным и потому склонным к отступлению; еще ошибочней устраивать только большие гнезда, если вследствие этого образуются большие промежутки. Величина отряда и общее положение будут оказывать влияние на плотность позиции. Во всяком случае, раньше так боязливо избегаемое прерывчатое расположение должно уступить место фланговой огневой поддержке и зрительной связи.

Вышеупомянутые гнезда обороны, которые надлежит технически оборудовать как можно скорее, в худшем случае дают возможность удержаться до подхода контр-атаки. Разумеется, при обороне в маневренной войне такие гнезда не могут строиться по одной системе; каждая складка местности, каждая роща, каждая заросль, каждый крутой подъем, каждая канавка и прочее, потребуют новой формы; для обороны надо использовать и отдельные дома, сараи, сады, но при этом не следует никогда упускать из вида принцип обеспеченности фланга каждого отдельного гнезда сопротивления. Это представляется тем более необходимым, что ограниченное по сравнению с размером участка число легких пулеметов, несмотря на обширность радиуса действия каждого отдельного гнезда, принуждает оставлять большие промежутки.

Как уже выше было сказано действительная взаимная поддержка отдельных гнезд фланговым огнем имеет исключительно важное значение; именно в отношении постоянного поддержания, подчеркивания и выполнения этого правила французы имели огромное преимущество перед нами; у них не случилось, как часто бывало у нас, чтобы граница между дивизиями составляла преграду для выполнения взаимной поддержки огнем; они хорошо сознавали, что собственное благополучие вполне зависит от благополучия соседа.

Передовая линия (грань) фронта обороны выждав, когда враг подойдет на близкое расстояние, открывает свои действия с возможной неожиданностью. Ибо, естественно, что преждевременное открытие огня обороняющегося вызовет ответный огонь неприятеля; разведывательные органы последнего в это время будут продолжать свои поиски, пока не найдут опасного противника. Особенно в этом случае его тяжелые орудия будут иметь возможность развить большую силу и достичь гораздо большего успеха, чем если позиции будут пребывать в мертвой тишине до самого начала атаки. По этой же причине никогда не будет излишка в принятии мер предосторожности для воспрепятствования неприятелю производить наземное и воздушное наблюдение; на открытой местности особенно важно высискивать места незаметные, не бросающиеся в глаза. Мы должны в мирное время, где отсутствие жизненной опасности легко вводит в соблазн пренебрегать этими мерами предосторожности, приучать солдат, особенно пулеметную прислугу к

тому, чтобы укрываться самым тщательным образом при стрельбе, зарядании, устранении задержек и т. п., и показываться лишь настолько, насколько то является безусловно необходимым. Устройство особых боевых состязаний при обучении войск принесет большую пользу для достижения этой цели.

Когда же приблизившийся неприятель поднимается для удара в штыки, на него должен обрушиться внезапно и со всей силой, если было достаточно времени на подготовку, сосредоточенный, сплошной, уничтожающий огонь орудий всех видов фронта отражения атаки, а также заградительный огонь артиллерии и пулеметов; гарнизоны же отдельных гнезд обороны будут отражать атаку огнестрельным оружием и ручными гранатами.

II. Внутреннее пространство позиции (внутренняя зона).

Но мы располагаем еще и другими средствами.

Позади передовых линий начинается внутреннее пространство (зона) фронта отражения атаки.

В действительности, при обороне в маневренной войне каждая войсковая часть, рота, батальон, полк и пр., естественно, выделяет свои резервы и этим образует своего рода внутреннее пространство. Необходимость расположить собственные тяжелые пулеметы, минометы и противотанковую артиллерию, а также ужасное действие неприятельской артиллерии вынуждали в позиционной войне еще более распространяться в глубину. Но и в маневренной войне эта форма расчленения вглубь должна быть применяема. Разумеется здесь, где действия войск не успели еще стать такими неподвижными, и переход в наступление обороняющегося играет значительно большую роль, подвижность во внутренней зоне будет иметь гораздо больше значения и применение резервов при известных обстоятельствах значительно разнообразнее.

Внутреннюю зону фронта отражения атаки составляют не только ротные резервы, о которых будет сказано ниже, но и как мы упоминали выше—тяжелые пулеметы боевых участков, минометы, противотанковые и противотанковые орудия.

Минометы и пехотные орудия лишь в исключительных случаях располагаются в первой линии; действие будет еще лучше, если они станут на несколько сот метров позади ее. Так, вече-

ром 2 декабря 1914 года, под Лодзью после успешной атаки, уверенно ожидая сильных неприятельских контр-атак, я выдвинул в тонкую, сильно поредевшую, линию моего 94 полка (сзади стояло только несколько резервных взводов) пушки, щиты, которые вскоре оказались изрешеченными и обслуживать которые пришлось в конце концов пехотным солдатам. Но эти пушки дали возможность моим молодцам и героям 55 полка полевой артиллерии победоносно отразить три сильных неприятельских атаки. С наступлением дня я вновь отодвинул орудия назад.

Уже по одному тому, что минометы и артиллерия могут стрелять через головы впереди стоящей пехоты и, в свою очередь, относительно беззащитны в бою на близком расстоянии, их следует ставить не впереди, но далеко вглубь позиции, в углубленных местах, дабы огонь их, по возможности, не мог быть обнаружен. То же можно сказать и о тяжелых пулеметах, исключая, конечно, расположения в углублениях. Они то и составляют то добавление, которое проявилось к концу войны; часто, размещенные выше передней линии и действуя прямым сосредоточенным уничтожающим огнем, они способствовали отражению многочисленных атак.

Значение тяжелых пулеметов, как решительного средства при отражении атак, еще более увеличивается в маневренной войне, ибо в этом случае особенно при необозримом пространстве и недостатке времени, трудно организовать такое артиллерийское наблюдение, которое могло бы немедленно сообщать о всякой попытке неприятеля броситься в атаку.

Если кто видел потрясающее действие сосредоточенного огня тяжелых пулеметов на неприятельскую пехоту, тот несомненно убедился, что ничто не может быть важнее, как правильно разместить эти грозные средства обороны.

Само собой разумеется, что пулеметы, требуя особенно тщательного прицела и быстрой стрельбы, действуют всего лучше прицельным огнем. Поэтому желательна, по возможности, возвышенная установка пулеметов, иначе же им приходится стрелять в промежутки между гнездами обороны, что, конечно, мало способствует перекрестному огню, альфе и омеге всякого пулеметного огня.

Во многих случаях тяжелые пулеметы придется помещать в передовой линии; здесь их, конечно, не так легко замаски-

ровать, а потому они здесь легче могут сделаться жертвой неприятельской артиллерии и пулеметов и даже штыковой атаки наступающей стороны, чем будучи расположены позади. Особенно роковым может оказаться помещение их в передовой линии ночью и во время тумана.

Следовательно должно быть настойчивое стремление во всех случаях помещать тяжелые пулеметы там, где есть хоть малейшее возвышение, как для развития уничтожающего огня, так и для стрельбы на дальнее расстояние, о которой сказано было выше.

Лишь те тяжелые пулеметы, которым специально указана молчаливая роль в глубине позиций на случай прорыва неприятеля, не нуждаются в возвышенности. Разумеется число их не может быть слишком большим, так как, при известных обстоятельствах, они все-таки представляют мертвый капитал.

Где возможно, там тяжелые пулеметы резервных частей тоже примут участие в бою, как прямым, так в иных случаях и перекидным огнем. Этот, так-называемый «огонь через стеклянную стену», т.-е. с боковым наблюдателем (прицеливаясь в верхний край закрытия), еще подлежит подробной разработке. Тяжелые (S¹) пули и новые прицелы делают тяжелые пулеметы вполне к этому приспособленными, если только начальник озаботился снабжением их достаточным запасом патронов, соответственно колоссальному их расходу (доставка вперед при помощи броневигов, как то делал неприятель).

При малом числе артиллерии, которым мы будем располагать, решающее значение будет иметь предоставление пулеметам части той задачи, которая возлагается на артиллерию, следовательно, часть уничтожающего огня. Предварительным условием для успешного отражения атаки огнем в этом случае будет, конечно, в высшей степени тщательное распределение участков уничтожающего огня между столь различными и со столь различных позиций действующими пулеметами и пушками, задача, на которую начальник должен обратить особое внимание, не упуская из виду охраны флангов. Эта задача, как то доказывают и наши занятия мирного времени, составляет до некоторой степени новость в маневренной войне и к тому же довольно трудно разрешимую, особенно, если, как то часто бы-

вает, в распоряжении имеется мало времени. Но если эта задача не будет разрешена, то не может быть почти никакой уверенности, что неприятель будет разбит.

Точно также и французский устав 1920 года гласит:

«Непроходимая и трудная местность еще не составляет надолго задерживающего препятствия для неприятеля; и только непрерывная, глубоко проникающая полоса огня делает такую местность непреодолимой.

Быстро создать такую огневую полосу (сеть), быстро окопаться и устроиться и окружить себя зоной смерти—вот главная задача обороны».

Предварительным условием при этом, как было упомянуто выше, является замаскированное и искусное размещение всех родов оружия, чтобы атакующий не мог их обнаружить..

Следующим предварительным условием является заботливое и обдуманное распределение сил между участками сообразно с их шириной и значением.

Далее, ложнины не должны составлять границ участков; по ним нападающий и в будущем будет пытаться проникнуть, как это установлено в настоящее время.

Вести борьбу с неприятелем впереди фронта обороны можно весьма различными способами, и при крепких духом защитниках она сулит особенно богатый успех.

4. Неприятельский прорыв.

1. Бой на фронте отражения атаки.

Если же неприятель все-таки прорвется в каком-нибудь месте, то, истощенный предшествующей атакой, он должен почувствовать себя в настоящем «чортовом котле»; он должен быть поражаем огнем из всех углов, со всех концов. Огонь стрелковых пулеметных гнезд, минометов, сопровождающей артиллерии, танков дополняется ручными гранатами. Часть прислуги минометов и артиллерии берется за винтовки. В этом отношении прислуга минометов представляет еще молодую, недостаточно спаянную часть, и, к сожалению, не везде во время войны она оказалась на своем месте.

Во время мартовского наступления 1918 года отдельные минометы дали по 2500 выстрелов, другие ни одного, что никак нельзя объяснить недостатком случаев к тому. К этому огню артиллерии и минометов присоединяются и пулеметы

батарей, которые не прикреплены к артиллерийской позиции, но должны быть расположены так, чтобы прикрывать их фланги. Каждый наблюдатель, каждый солдат команды голубиной почты, вожатый собаки, службы связи, посыльный и т. п., берется за оружие; не должно быть никого, кто бы не считал вопросом чести удержание позиций. Поэтому дело начальников всех степеней поднять дух и сознание каждого отдельного рода оружия, каждой части так, чтобы они сознавали свое особое значение, например, дух отдельных групп пехоты и легких пулеметов. Строгое воспитание, проверка и руководство этих специалистов должны выработать в них не в пример тому, что к сожалению бывало на войне,—чувство общей ответственности за исход боя, чтобы и они принимали участие в бою, до последней брошенной гранаты, до последнего выпущенного патрона.

В эту борьбу вступают, конечно, и резервные, молчавшие дотеле пулеметы, которые подобно прочим орудиям были до тех пор тщательно замаскированы. Даже внезапное, при помощи дымовой завесы, появление танков не будет иметь заслуживающего внимания успеха, с ними расправляются при помощи орудий и ружей, особо назначенных для отражения танков, и, наконец, при помощи смелых отрядов пехоты, вооруженной ручными гранатами и бронебойными патронами.

Разумеется вся эта оборона должна быть заранее, насколько позволяет время, тщательно подготовлена начальниками участков для каждого отдельного случая. Размещение всех тыловых частей потребует особой осмотрительности; при всем должном внимании к укрытию от воздушных атак следует, хотя не в такой мере, как в позиционной войне, избегать всех особенно бросающихся в глаза лесных опушек, перелесков, усадеб, оврагов, отмеченных на карте складок. Во всяком случае открытая местность оказывается значительно, в этом отношении, выгоднее.

Зарывшись в стрелковые окопы, замаскировавшись ветками, сеном, свекловичной ботвой, можно с успехом ускользнуть от наблюдения.

Еще одно слово о заграждениях и земляных работах. Разумеется, как только можно улучшить свободное время, следует устроить проволоочные заграждения не только по всей оборонительной линии, но и вокруг отдельных гнезд: в короткое время можно их обратить в небольшие форты. И ло-

пата играет при обороне существенную роль; начальник, не заставивший свою часть, как бы она ни была утомлена, раз она остановилась в полосе артиллерийского огня неприятеля, окопаться, допускает тяжкую ошибку. Когда солдат основательно приучен более чем теперь в Деберице—к пользованию лопатой, исчезает опасность того, чтобы окоп не сделался могилой всякой мысли о наступлении, мысли, которая должна господствовать и при обороне. Лопата во всех случаях лучшее оборонительное средство. Необходимо лишь при всяких окопных работах всемерно не забывать о прикрытии от наблюдения летчиков. И в этом деле состязания на выполнение определенных задач могут принести существенную пользу.

2. Бой резервов.

Место резерва, большого или малого, зависит, помимо условий местности, в первую голову от предполагаемого места прорыва неприятеля. Опасными в этом отношении местами в 1914-18 г. г., как уже сказано выше, являлись лощины которые неприятель обстреливал по преимуществу, затем окутывал туманом и использовал для прорыва. Как один из примеров можно указать: 20 марта 1917 г., когда французы прорвались на границе участков между Гохбергом и Кейлбергом по лощине, так что их пришлось выбивать к вечеру и для этого объединить командование.

Небольшими ротными резервами по большей части приходится заполнять образовавшиеся в течение боя разрывы боевой линии; но, если они еще сохраняются до атаки, является вопрос, использовать их для контр-удара или же целесообразнее будет предоставить этим крошечным частям действовать огнем, вместо того, чтобы пускать их бесполезно в атаку по открытому полю. Когда некоторые военные высказали этот взгляд после Фландрского сражения, их готовы были побить камнями. Если бы этот взгляд начал преобладать, то эти малые резервы можно было бы соединить с гнездами пулеметов и минометов и, тем самым, повысить оборонительную силу последних.

Правда, при позиционной войне, в тесных окопах, небольшие решительные группы солдат, вооруженные ручными гранатами, не раз выгоняли часто сильного противника, проникшего в окопы и беспомощно по ним блуждавшего; но такие благоприятные условия при маневренной войне почти не встречаются. Поэтому

если и не следует связывать установлением определенных схем инициативу и энергию подобных ударных групп, тем более, что маневренная война с ее постоянными неожиданностями меньше всего допускает какую бы то ни было схему,—все же надлежит серьезно взвесить в каждом отдельном случае, оправдываются ли обстоятельствами контр-удары, производимые малыми резервными частями.

Другое дело контр-удар более крупных резервов: батальонных, полковых и прочих. Когда обнаружился прорыв, эти части лучше всего должны выступить немедленно, пожалуй, с быстроходными броневиками впереди, ибо, как всякому известно, контр-атака наиболее успешна, когда она производится тотчас после прорыва; раз неприятелю удалось закрепиться, атака в большинстве случаев легко разбивается.

В Фландрском сражении 1917 года резервные дивизии выступили, когда началась неприятельская атака, с риском при этом, что они напрасно тронулись. В большинстве случаев нельзя установить факт самого прорыва, имеется только предположение или же бывает неизвестно, в каком именно месте произошел прорыв.

Если при этом ожидают полного выяснения, то обычно уже приходят слишком поздно.

При огромном преимуществе всякого флангового удара, контр-удар бывает особенно успешен, когда он направлен во фланг прорыву. Таким образом, в случае, когда выдвинутые резервы попадают не на то место, где произошел неприятельский прорыв, все же удар, направленный и с этого места, может иметь решающее значение; при этом возможно с своей стороны охватить противника, уже начавшего двигаться вдоль позиции («свертывать ее»), и заставить его подчиниться своей воле. (Фландрское сражение 1917 г.).

По всем этим причинам является необходимым установить, чтобы всякая резервная часть чувствовала бы себя ответственной и за судьбу соседнего участка. Уже по одному этому необходимо, чтобы каждый начальник резервной части имел в своем распоряжении особые части для современного использования их для службы связи с соседними участками. На это надлежит обращать особое внимание в маневренной войне, где служба связи не может быть так тщательно организована, как при войне позиционной. Такие части связи должны по преимуществу быть под рукой у началь-

ника участка, который поддерживается резервами, или же у начальника соседнего участка. В противном случае слишком часто бывает, что резервы вследствие незнания с положением выдвигаются или слишком поздно или не на надлежащее место, наталкиваются на расположенные впереди части или попадают под огонь направленный на последних и ввязываются в дело раньше, чем это является желательным. Ввиду этого представляется необходимым, чтобы командиры полков и батальонов лично руководили бы контр-атакой резервов на месте, а не ограничивались отдачей распоряжений в тылу.

Как раз выполнение контр-удара при маневренной войне требует особого внимания и тщательности, так как в этом случае обыкновенно нет времени для тщательной подготовки успешного отражения атаки, даже нет времени для внимательного выбора пригодной для обороны местности.

Точно также следует сделать предметом упражнения и все те различные положения, из которых обороняющаяся сторона переходит в наступление по собственной инициативе; тут размещение резервов (уступами) имеет решающее значение.

Более подробно остановиться на этих операциях препятствует нам поставленная задача этой работы, разобрать исключительно лишь формы обороны.

3. После решения боя.

Если наступающий остался победителем, то перед командованием обороняющейся стороны стоит трудный вопрос: 1) или отвести свои побежденные войска «большим скачком» на новые позиции, следовательно, приступить к «оперативному отступлению», которое генерал ф. Бернгарди ставил русским в укор в 1910 году. Он порицал их за то, что они во время Манчжурской кампании после Ляояна, Шахе и пр., вместо того, чтобы упорно удерживаться на месте, тотчас отступали на большие расстояния (тот же упрек Бернгарди делает и германскому полевому уставу за недостаток в нем указаний на медленный шаг за шагом отход); 2) или надлежит на подобие нашего противника в 1918 году медленно отступать и пытаться задерживать неприятеля, так сказать, на глубоком, простирающемся на многие мили, внутреннем пространстве, состоящем из целого ряда гнезд сопротивления. Какая сторона, обороняющаяся

или наступающая, несет больше потерь в этих боях за все новые и новые гнезда обороны, зависит от искусства командования, от боевой выучки совместно действующих родов войск и в значительной мере от морального состояния войск. С не вполне надежными войсками обороняющаяся сторона, как то показал в некоторых случаях опыт в 1914-18 годах, сделает лучше, избрав метод поспешного отхода на более значительное расстояние на новые позиции. Если расстроенная отступающая армия в угоду теории прежнего французского маневра отступления или теории «глубокой зоны», вздумает вести бой в этой последней, то как мы все знаем, в этой бесплодной попытке она может понести только тяжкие потери в личном составе и в материальной части.

Так, например, 11 апреля 1918 года на третий день немецкого Армантьерского наступления, 94 пехотный полк рано по утру, без всякой артиллерийской подготовки, внезапным энергичным натиском прорвал у Пон-де-Ниенн английскую оборонительную линию у реки Лис.

Этот смелый налет нанес тяжкий урон пленными и снаряжением, пораженным неожиданностью англичанам, видимо утратившим до некоторой степени свою способность к обороне, благодаря предшествовавшим неудачам.

С другой стороны, мы могли наблюдать, как несколько удачно размещенных и хорошо замаскированных арьергардных пулеметов причиняли наступающему неприятелю значительные потери людьми и задержку во времени. Но это уже скорее относится к «отступлению», от более подробного разбора которого мне приходится отказаться, так как это вывело бы из рамок занимающего нас предмета.

5. Безусловное отстаивание—вместо отступления.

В последующем изложении мы не проводим различия между формами обороны, только еще начинающейся и развивающейся из уже усовершенствованной полевой позиции; ибо принципы обороны в общем, ведь, одни и те же в обоих случаях.

Особо разобранный нами вид обороны со всеми ее особенностями, огнем с дальних расстояний, упорным отстаиванием позиций вместо упругого уклонения, не является и не может быть единственным.

Вспомним хотя бы какие разнообразные приемы применял по отношению к нам неприятель, как часто русские под-

пускали нас на близкое расстояние к своим сильным позициям во время маневренной войны и лишь тогда открывали огонь. Вспомним хотя бы о невероятных упорных боях за отдельные гнезда и передовые пункты перед новыми позициями, к которым прибегали французы под Верденом в 1918 году. Наконец, вспомним о том, как сами мы часто меняли наши боевые приемы.

Коренной ошибкой было бы поэтому, если бы мы смотрели на ту или другую форму боя, как на единственно правильную, и в ней одной упражнялись. Теперь во время мира мы должны сознательно, и гораздо более, чем до войны, при наших упражнениях выявлять всякие другие, а не одну только господствующую модную форму. Это необходимо хотя бы даже потому, что мы имеем тогда возможность на занятиях и разборах выяснять и подвергать новой проверке ту точку зрения, которую сами мы признаем за правильную. Особенно представляется желательным во время военных игр и упражнений снабжать одну сторону (немецкую) ограниченным количеством артиллерии.

Дальнейшее развитие современного вооружения может привести к дальнейшим изменениям в тактических взглядах. Так, например, в настоящее время еще трудно предусмотреть, в какой мере массовое применение броневиков окажет влияние на неподвижность обороны.

Но одно, однако, следует, по моему, твердо установить: в ближайшие годы нам следует при всяком удобном случае настаивать на упорной, до последней крайности, обороне, чтобы окончательно вытравить и у командного состава и у солдат «бациллу уклонения».

С. Наступление в маневренной войне.

1. Различие по сравнению с довоенным временем.

Стратегия охвата, введенная Мольтке, благодаря огромным успехам достигнутым им, в значительной мере наложила до мировой войны свою печать на организацию нашей боевой подготовки, как в крупном, так и в мелочах. Способствующий охвату способ ведения войны отдельными отрядами с обоими свободными флангами или по крайней мере бой с одним лишь опирающимся флангом (исключение представляет например:

III корпус Бюлова), составлял постоянно повторявшуюся форму наших маневров мирного времени до ротных учений включительно.

Совсем иную картину представляла мировая война с ее длинными более или менее непрерывными фронтами. Фронтальная атака выступила на первое место. В результате получилось «вклинение», прорыв фронта. Гусевые приемы, практиковавшиеся в мирное время, уже далеко не всюду имели место во время войны.

Форма наступления применялась, как было выше указано, к приемам обороны и наоборот.

До войны мы преимущественно оборонялись на одной сильной неподвижной линии. Согласно этому наша пехотная атака натывалась одновременно на более или менее прямой, огневой фронт со свободным широким полем обстрела. Отсюда получилось известное равномерное наступление и по большей части одновременный штурм. Хотя старый строевой устав и предостерегал от схематического равномерного наступления и действительно в должной мере указывал в другом месте надлежащее использование местности, все же атака, продвигавшаяся правильными резкими скачками на большие расстояния с одновременно выполняемым штурмом, представляла наиболее частую картину маневров мирного времени. Горе тому ротному командиру, который на батальонном смотре без очень веских оснований вырывался вперед из фронта своего батальона. Это должно было привести во время мировой войны в тех случаях, когда артиллерийская подготовка была недостаточной, при всевозрастающей силе обороны, к колоссальным потерям. Во время войны совершенно естественно возникло там, где наступление было успешно, большее или меньшее «вклинение» в более слабые места обороны (смотри также полевой устав ст. 286.) которое за тем, как бы само собой, приводило к «прорыву» и «свертыванию» еще держащихся частей обороны.

Обращая эти, по необходимости, частичные наступления в общее правило, мало по малу естественным образом перешли к системе «клинообразного прорыва» с последующим «свертыванием» линий противника (расширением прорыва), как в больших размерах, так и мелочах (образование ударных частей), системе разрушавшей позиции, казавшиеся неприступными.

Средством для того, чтобы добиться подобного местного

«вклинения», прорыва и, наконец, «свертывания», неприятельской оборонительной линии, служила, как известно, страшно сосредоточенная артиллерийская подготовка, которая сравнивала с лицом земли позицию и прокладывала дорогу прорыву. Сознавая опасность, противник распределял свои силы вглубь, часто отдавал переднюю линию, создавал при помощи приобретающих все большее и большее значение пулеметов внутреннюю зону, в которой наступление запутывалось, как в сети. В заключение же боя позиция должна была теоретически вновь без остатка вернуться во власть обороняющейся стороны, овладевавшей ею посредством контр-удара.

Таким образом, если до войны у нас часто наступал решающий момент боя со взятием одной или двух линий обороны противника, то в настоящее время, и после взятия передовой линии обороны, бой еще долго продолжается во внутренней зоне укрепленной полосы. Мы встречаемся с такими боями за «внутреннюю зону», как при большом прорыве укрепленной полосы, так и при боях маневренных в открытом поле, длящими порою дни и целые недели. Перед таким распределением сил в глубину часто оказывалась бессильной объединенная, массовая, артиллерийская подготовка наступающего. Бой распадался на множество отдельных столкновений. В одном месте более мелкие даже ничтожные войсковые единицы при поддержке своих вспомогательных родов оружия (сопровождающей артиллерии, пулеметов, минометов, бомбометов), даже отдельные роты с отдельными пушками вели упорный бой за обладание отдельными пулеметными гнездами, в другом месте они беззаветно прорывались на более слабых пунктах, втягивая за собой резервы. Всюду они стремились и при фронтальном «вклинении» и при общем прорыве овладеть неприятельскими опорными пунктами посредством охвата и флангового обстрела в каждом отдельном случае. Таким образом падали и рушились обширные укрепленные полосы. «Уклонение» обороняющегося, вызванное чувство самоохранения и вошедшее в привычку, перешло с большой легкостью от позиционной войны в маневренную, где такой массовой артиллерийской подготовки со стороны наступающего вовсе не могло быть произведено, и где, следовательно, подобное «уклонение» и не вызывалось необходимостью, и только облегчало в значительной степени работу наступающего противника. Но и там, где защитники упорно держались

в своих оборонительных гнездах, все же энергично нападавшему и обладавшему хорошей тактической подготовкой противнику удавалось осуществить прорыв и преодолеть раздробленную внутреннюю зону. Контр-атаки обычно запаздывали и разбивались о прочно засевшего тем временем наступающего.

Мы никак не в состоянии предвидеть в какой форме обороняющийся противник выступит против нас в будущем. Мы имеем одинаковое основание предполагать как то, что противник вновь оценит по достоинству все значения безусловной упорной обороны передовой линии, так и то, что он будет работать с принципами уклонения и внутренней зоны. Мы можем встретиться с новыми приемами (танки и проч.). Поэтому мы должны быть ко всему подготовлены; наш метод наступления должен соответствовать всем возможным мероприятиям обороняющегося противника, должен преодолеть их все. Сюда относится, между прочим, и то, чтобы наступающий при атаке был вполне снабжен техническими средствами, применение которых при наступлении сравнительно труднее, чем при обороне.

Затем и в будущем неопенимые преимущества почина в действиях, инициативы, неожиданности обеспечат успех наступления. Проследим теперь в кратком обзоре на основании нашего боевого опыта методы наступления.

2. Разведна.

Во время маневренной войны на востоке русские, подобно тому, как они это делали в 1904-05 годах в Манчжурии, нередко отступали большими скачками от позиции к позиции, которые мы всякий раз брали штурмом. При нашем же наступлении на западе в 1918 году, отступление неприятеля всегда производилось шаг за шагом.

Наши же отступления в 1917 и 1918 годах носили то тот, то другой характер, по большей части нечто среднее, в зависимости от наших задач.

Совершенно естественно, что в зависимости от образа действий обороняющегося, изменялось и поведение авангардов и органов разведки наступающей (преследующей) стороны.

Порядок наступления на неприятельскую позицию в открытом поле при маневренной войне, как например в 1915 году, достаточно известен: кавалерия, авангард, походные колонны.

Общим правилом являлся подход, сближение к новому, по большей части обследованному летчиками, неприятельскому рубежу. За этим следовали наступление, удар в штыки. Часто однако, когда вечером наступающий подходил на расстояние атаки, позиция утром оказывалась очищенной, а неприятеля и след простывал. И вот снова начиналась та же работа и часто с длинными переходами.

И в будущем мы можем встретиться с такими же положениями. В случаях подобных только что описанному надо при-вить войскам строгую бдительность по ночам. Но даже от самого тщательного наблюдения при искусно подготовленном ночном отходе можно ускользнуть незаметно, как то было на Пилице в мае 1915 года и под Лодзью в декабре 1914 года.

Поэтому представляется необходимым производить частые упражнения, при которых могут воспроизводиться подобные положения (к сожалению, этому нельзя научиться на военных играх и т. п.).

Гораздо труднее еще представляется разведка во время боя во внутренней зоне, когда наступающий часто целыми днями шаг за шагом (и лишь изредка на более значительное расстояние) пробивается сквозь все новые и новые опорные пункты. Во-первых, воздушная разведка становится гораздо затруднительнее, как только самая позиция находится уже позади нас. При маскировке современной обороны одни лишь теоретики способны в таких случаях при организации учебных упражнений снабжать войска многочисленными сообщениями летчиков, которых мы почти во время войны не получали. В этих случаях мы в большинстве принуждены были довольствоваться сухопутной разведкой.

Если к вечеру бой затих, то у неприятеля окажется достаточно времени, чтобы за ночь укрепить и изменить свои позиции. И на утро, вместо того, чтобы наткнуться на выдвинутые пулеметные гнезда, мы внезапно сталкиваемся с сильным неприятелем, или же, наоборот, удар наш попадает в пустое место. Очень часто все это остается почти незамеченным разведкой утомленных войск. И даже если она сообщит совершенно правильно, что положение неприятеля, повидимому, не изменилось, это еще ничего не дает для правильного суждения об общем положении обороняющегося, ибо за передние гнезда разведка заглянуть не может.

Пусть руководитель тактического учения, принявши за

исходное положение продолжение утром начатого накануне боя и желающий ради стройности изложения боевого положения дать много сообщений, примет во внимание только изложенное.

Пусть лучше руководитель настаивает на том, чтобы войска были приучены сами добывать себе скоро и искусно недостающие сведения перед началом упражнения. Военские части должны быть приучены к тому, чтобы быстро выяснить, имеют ли они дело с отдельными прикрывающими тыл оборонительными гнездами, передовыми пунктами и проч. или же они натолкнулись на более или менее непрерывный фронт (проволочные заграждения и пр.). Примером может служить та быстрота и энергия, с которой мы в 1918 году во время маневренной войны после прорыва каждое утро вновь выясняли положение дела.

Наступающий на своем участке полк должен высылать вперед небольшие разведывательные партии, задача коих воспрепятствовать тому, чтобы роты не натолкнулись без подготовки на неприятеля или же не попали в сомкнутом строю под огонь пулеметов, что не раз случалось с англичанами в 1917 г. при нашем отходе на позиции Зигфрида. В то же время эти разведывательные партии маскируют от противника собственные мероприятия.

Предположим же теперь, что мы пришли в соприкосновение с неприятелем, случай нам благоприятствовал и мы имеем определенное представление, что противник вновь остановился к нам лицом на слегка волнистой, возвышенной местности, усеянной рощами и усадьбами, заняв, повидимому, глубокое расположение.

Воздушная разведка не установила наличия обширных окопов. Войска должны прежде всего задержать свое наступление или даже совершенно остановиться, подготовиться, развернуться для наступления. Между тем начинается ближняя разведка предполагаемой неприятельской позиции, приступают к работе разведывательные части вспомогательных родов оружия. Там, где неприятель, как в данном случае, не занял выдвинутых вперед позиций, приходится считаться с планомерной маскировкой, поэтому часто придется отряжать более сильные разведывательные части с артиллерией для того, чтобы поскорее сорвать с неприятеля покрывало.

Разумеется для основательной наземной и воздушной разведки требуется время. Его недостает при мирных упражнени-

ях, но во время войны оно всегда находится, так как известно, что время, затраченное на разведку, всегда окупается с избытком.

Необходимо, конечно, чтобы разведчики минометов, для которых и без того требуется много времени, прежде чем они готовы к боевой работе, раньше поспевали к передовой линии, чем они это делали в 1918 году. И артиллерия и полковые пушки должны торопиться, чтобы с своей стороны вывести расположение неприятельской пехоты и артиллерии; с другой стороны, чтобы определить собственные позиции для размещения батарей. В быстроте составления перспективных чертежей местности пехотинцы прошлым летом обнаружили свое превосходство перед другими родами оружия.

Беззаветная отвага, соединенная с точностью и отчетливостью, составляют основные принципы работы всех разведчиков.

3. Решение начальника.

1. Цель наступления.

Данные, добытые разведкой вместе с общим военным положением и намерениями начальника, составляют в общем основу, определяющую вид и способы проведения в жизнь дальнейших решений относительно подхода к обнаруженному противнику и атаке.

Раз начальник до некоторой степени выяснил себе положение противника и занятые им позиции при помощи снимков с аэроплана, как то часто имело место при широких «оперативных» отступлениях и русских в 1915 году, то уже сравнительно не трудно бывает определить цель наступления и установить предел, до которого надо пробиваться. Но и тут часто бывают ошибки. Так, 13 июля 1915 г., при прорыве на юг от Прасныша, предписано было прежде всего взять неприятельские передовые позиции, дальнейшее же продвижение было категорически повторно воспрещено. В победоносном наступлении своем, батальоны 94 и 95 пехотных полков, несмотря на запрет, тотчас же взяли приступом следующую позицию (высота 175), а вечером 94 полк успел овладеть и третьей еще «ни разу во время войны не взятой», «главной ключевой» позицией у Горне, и вполне своевременно. Первым вскочил в окоп, плотно занятый русскими, со шпагой в руке принц Фердинанд Сольмс.

По этому поводу в описании боя было сказано так: «Значительный героизм войск достиг большего, чем ожидало командование». Очевидно, именно командование, не желавшее подвергать напрасным потерям нашу пехоту, или переоценило силу сопротивления врага или недооценило наступательную способность собственных войск.

Так возникали черезчур ограниченные задачи для наступления. Лишь бы во главе войск всегда стояли такие вожди, которые с благодарностью отмечали бы победоносный прорыв воинской части, вышедшей за пределы намеченной цели.

Бесконечно труднее определить цель наступления при подвижном бою во внутренней зоне. Возможно, сведения о неприятеле будут ограничиваться лишь данными о расположении его передовых гнезд. Лишь в редких случаях удастся что-либо выяснить заранее о том, что скрывается за ними.

Командование будет иметь возможность по этому наметить в первую очередь взятие этих передовых гнезд или же сразу какую-либо дальнейшую цель, например, до ближайшей предполагаемой оборонительной линии или даже еще глубже, в зависимости от расположения и состояния противника, числа собственных орудий, сведений, добытых при изучении местности. Может оказаться целесообразным в одном случае сразу наметить дальнейшие цели за пределами передовых позиций неприятеля, доверяя боевой энергии командного состава, хорошо снабженного вспомогательными орудиями или даже артиллерией, в другом случае предписать планомерное взятие неприятельских позиций по отдельным последовательным участкам.

Тот, кто вздумал бы в этом деле заранее предложить рецепты,—теоретик. Однако, надлежит постоянно помнить, что, намечая слишком короткую цель наступления, мы рискуем задушить в зародыше решительный успех. Как везде, и в данном случае, более смелое решение является лучшим. Если нет особых оснований за ограниченную цель, лучше предоставить простор энергии и предприимчивости войсковых частей.

Если даже зарвавшаяся часть внезапно натолкнется на неожиданно сильное сопротивление, то из этого не может произойти особой беды, раз ее начальник располагает достаточным количеством дальнобойных орудий и раз передовые роты правильно распределены и находятся в руках у своих начальников.

2. Главный удар (центр тяжести).

С целью наступления теснейшим образом связан выбор участка главного удара (центра тяжести всего боя). Каждое наступление должно иметь таковой. При малых маневрах мирного времени начальник часто гадал на пальцах, поместить ли ему свои резервы для охвата неприятеля справа или слева.

Поэтому во время войны при наступлении в определенных рамках, положении совершенно непривычном, он часто оказывался перед тяжелой задачей, которая для многих была не по плечу. Очень часто приходилось нам слышать, как впоследствии начальник говорил: «Да, обладай я несколько лет тому назад теперешним опытом, я бы тогда не повел равномерной атаки, а направил бы все свои силы на то ущелье и т. д. и, вероятно, одержал бы победу с меньшим кровопролитием».

Начальнику придется сделать выбор места прорыва в зависимости от самых разнообразных обстоятельств: «Как мне подвести свои войска наиболее укрытым подступом, на каком месте могу я с наибольшим успехом сосредоточить массовый огонь своей артиллерии, где я легче всего пробьюсь (лощиной), в каком месте мне возможно взять с наименьшими потерями самые крепкие опорные пункты неприятеля при помощи охвата и фланкирования, где мне нанести наиболее чувствительный удар неприятелю, в каком месте я легче всего могу избежать его фланкирующих участков?». В итоге:—«куда направить главный удар (центр тяжести моих действий)».

При принятии подобных решений вопрос о численном составе неприятеля, занимавший на маневрах мирного времени порою одно из главнейших мест, почти не будет приниматься в расчет.

Ведь во время мировой войны нам пришлось почти всегда сражаться против значительно превосходящего нас числом неприятеля, но узнавали об этом лишь по числу пленных врагов. Установить силу противника при сколько нибудь правильно поставленной «авиационной дисциплине», т.-е. укрытий от воздушного наблюдения, будет очень трудно, и за несколькими искусно размещенными тяжелыми пулеметами могут находиться широкие пространства «пустого фронта». Часто лишь самый бой даст некоторые разъяснения, и поэтому при предва-

рительном выяснении вопроса о выборе места решительного удара в большинстве случаев речь идет не столько о численности противника, сколько о характере местности, занятой неприятелем, куда начальнику придется вклиниться.

При этом в качестве новой точки зрения, в противоположность прежнему взгляду, появилась во время войны мысль, что следует по возможности делать прорыв не в том месте, где неприятель наиболее силен (Верден), а там, где он всего слабее.

На этих то местах начальник и попытается сосредоточить всю тяжесть удара, расчистить дорогу пехоте сосредоточенным огнем вспомогательных орудий, (а особенно фланговым огнем соседних участков), уничтожить перекрестный огонь противника, разместить и развернуть свои резервы для последующего удара, не расточая своих сил на других участках. Он попытается прорваться мимо очень крепких опорных пунктов, сдерживая их в то же время огнем своей артиллерии.

Вот пример действия небольшой части: батальон ведет при помощи одной роты наступление на открытой местности широким фронтом, в то время, как две роты вместе узким фронтом, при поддержке всеми вспомогательными средствами (тяжелыми пулеметами, артиллерией, минометами) прорываются по закрытой местности.

Даже ротный командир должен стараться направлять силу своего удара на слабые места неприятельской позиции, пользуясь различной шириной взводных участков, помощью броневых машин и ударных групп. Тот же начальник, который и в крупном масштабе и в мелочах необдуманно распределяет свои войска механически, равномерно на своем участке, тем самым предоставляет противнику использовать все выгоды, доставляемые местностью, выпускает из своих рук инициативу и без пользы расточает кровь своих солдат.

Определение ширины боевых участков составляет таким образом одну из важнейших задач начальника и придает определенный смысл наступлению с примкнутыми к соседям флангами, упражнение, которое, к сожалению, при мирных занятиях часто вполне не основательно считают скучным.

Но, конечно, одного не следует ни в каком случае упускать из виду, а именно:

«Определение участка решительного удара вместе с назначением ширины боевых участков является исключительно делом начальника; войска должны знать одно лишь наступление, наступление энергичное до окончательной победы».

Конечно, не легко (как, например, в 1915 году в Сербии), имея перед собою в течение целых недель отступающего противника, постоянно изо дня в день систематически выяснять центр тяжести боя и сообразно с этим принимать известные решения.

Ведь уже в маневренной войне в 1915 г. на востоке, при наступлении на прямолинейном фронте, многим начальникам дивизий не легко было отказываться от равномерного наступления и отыскивать участок главного удара (центр тяжести), тем труднее это бывает в бою за внутреннюю зону позиции, ибо распределение неприятельских сил в этом случае еще более неясно.

Именно в этом бою очень часто намеченный пункт атаки, а с ним и самый план боя часто будет подвергаться изменениям, вследствие неожиданной податливости неприятеля на одном месте или неудачи наших войск в другом. Здесь то и обнаруживаются способности истинных начальников, которые бы сумели составить наперед верную и прочную оценку обстановки и использовать изменения с молниеносным перемещением своих резервов. Эти начальники не поддадутся соблазну сейчас же подпирать войска при заминке наступления, не будут нервничать при неприятельском прорыве и не позволят вырвать у себя из рук свободу распоряжения своими резервами.

Эти начальники, напротив, сумеют властно предписывать свою волю противнику при всех превратностях боя. Вот небольшой пример: 24 мая 1918 года командир 64 пехотного полка при наступлении на Элет, между Вокзалон и Пинон, поместил свой резервный батальон сперва на участке правофлангового батальона. В то время, как этот последний перед упорным сопротивлением противника у «Ведьминого Луга» залег и не мог подняться, левофланговый батальон совершенно неожиданно пробился приблизительно на 4 километра вглубь неприятельских позиций вплоть до Лаффо Пинона. Тогда командир полка решился перебросить резервный батальон и направить его вслед за левофланговым батальоном. Еще во вторую половину этого дня батальон развернулся в тылу у неприятеля и дал возможность правофланговому батальону и остальным частям

дивизии, которые тоже залегли в упорном бою, продвинутесь вперед.

Богатая добыча в виде взятых орудий и пленных была наградой быстрого использования первоначально достигнутого успеха.

Поэтому при всех упражнениях рекомендуется во время разбора совершенно точно выяснить «каков был план боя», «где должен был находиться центр тяжести боя (главный удар)», «как произошло на самом деле».

Таким образом, начальники будут систематически вынуждены продумать наступление, даже ограниченное определенными рамками.

С выбором места главного удара (центра тяжести) самым тесным образом связаны подготовительные действия к наступлению: сосредоточение артиллерии, сопровождающих батарей и других пехотных дальнобойных орудий, а также задачи, которые должны быть им указаны.

При наступлении на противника, укрепившегося на одной прямой линии, это представляется сравнительно легкой задачей. В этом случае дело сводится к тому, чтобы еще во время развивающегося артиллерийского поединка так сосредоточить на главных пунктах огонь, чтобы, по возможности, сберечь кровь пехоты, и так направить продвижение вперед огня, чтобы пехота не потерпела задержки в своем поступательном стремлении, а, с другой стороны, могла бы извлечь наибольшую непосредственную для своей работы выгоду из материального и морального действия артиллерии. В тех же случаях, когда, как это часто бывает в маневренной войне, при бое за внутреннюю зону, планомерная массовая поддержка артиллерии и точная регулировка пехотного наступления не могут быть осуществлены высшим командованием, должна выступить артиллерия ближнего боя и в непосредственном взаимодействии с пехотными начальниками (полковыми и прочими командирами) отыскивать свои цели. Тогда дело сводится к тому, чтобы приданные пехотным полкам артиллерийские части подготовили для штыкового удара эти трудно доступные для атаки цели или же удерживали своим огнем и огнем вспомогательных орудий те опорные пункты, мимо которых пехота намерена прорываться.

В большинстве случаев ночь будет иметь решающее значение для подготовки наступления, ибо, как и прежде, насту-

тающая сторона должна стремиться использовать момент неожиданности. А ночь дает возможность стягивать пехотные и артиллерийские массы или их сосредоточивать к участку главного удара (центру тяжести) высшего командования и к «специальным» пунктам атаки нисших единиц.

В последующем изложении, как было указано в начале, мы выдвинем на первый план наши взгляды, как они сложились на основании боевого опыта, на наступление в маневренной войне и на бой за внутреннюю зону. Мы вовсе не будем касаться наступления при войне позиционной и особых форм боя ночью, в тумане, а также в лесу.

4. Формы наступления.

1. Недостатки довоенных форм.

Ничто так не изменилось по сравнению с довоенным временем, как формы наступления.

В 1914 году мы выступили без достаточного навыка к бою войсковыми единицами состава военного времени. Эти неуклюжие скопища очень рано расчленились в широкие непрерывные, согласно уставу, стрелковые цепи. По большей части в каждой роте два взвода впереди, один сзади и так продвигались целые версты через горы и доли, причем не обращалось достаточно внимания на принятое в мирное время тщательное использование местности. Раз войска попадали в сферу огня, начиналось заученное в мирное время продвижение вперед перебежками, по большей части взводами. Третий взвод, резервная рота, батальон и т. д., вливались в конце концов с большими потерями в порою густую и пестро перемешанную стрелковую цепь, и все же благодаря великолепному боевому духу и образцовой стрельбе наших солдат неприятель бывал опрокинут.

Этот прием не оправдался во время войны по следующим причинам:

1. Преждевременное развертывание широких стрелковых цепей закрепляло ранее, чем то было необходимо, т.-е. до выяснения положения дела, значительные силы, которых впоследствии уже нельзя было использовать на другом месте в решительную минуту.

2. Этот прием приводил при убыли к большому перемешиванию войсковых частей. Между тем одна из